

Педро Лаин Энтральго

Субирианская радикализация антропологии Субири¹

Структура космоса

Я безусловно придерживаюсь креационистской концепции происхождения космоса. На мой взгляд, это единственный разумный ответ на радикальный вопрос метафизики Лейбница, затем повторенный Хайдеггером: «Почему есть бытие, а не ничто?» Некоторые физики утверждают, что в соответствии с той идеей начала, которой придерживается современная наука, невозможно сказать, что у мира было начало. Но в вопросе Лейбница говорится не о «начале», а о «бытии» или о «реальности»; по этой причине философский смысл данного вопроса сохраняется. Ответ, который дал Лейбниц, а вместе с ним очень многие другие, христиане и не-христиане, может быть сформулирован таким образом: «Потому, что по неведомым нам причинам всемогущий Бог захотел создать реальность нашего мира и всех возможных миров». Этой формулировки возможного ответа Лейбница придерживаюсь и я.

Физическая реальность в том смысле, какой мы сейчас придаем этому понятию (оставим вопрос о том, существует ли реально-сти нефизические), представляет собой следствие божественного акта творения. Что именно создал Бог, что мы можем знать о людях благодаря этому? Быть сотворенным – единственный ли это способ быть в реальности?

Вплоть до второй половины XIX в. самая распространенная точка зрения в западной мысли была такова:

- **Виды живых организмов, в существовании которых конкретно и видимо выражается космическая реальность,** были напрямую созданы Богом и остаются неизменными от момента творения до своего исчезновения (биологический фиксизм).

- **Два единственных базовых способа реального бытия – материя и дух,** ими владеет только Бог, являющийся чистым духом. В космосе дух существует лишь в человеческой реальности, так как, согласно Библии, Бог сотворил человека «по своему образу и подобию». Следовательно, все то в космосе, что не является человеческим, полностью материально.

После Дарвина с «Происхождением видов» и Геккеля с «Естественной историей творения» первое из этих утверждений оказалось в критической ситуации. Виды живых организмов не являются неизменными, они преобразуются один в другой, причем без вмешательства внешней по отношению к ним творящей силы, только благодаря собственным возможностям, строго имманентным миру. Из всего этого следует процесс естественного отбора. Данный тезис, с некоторыми изменениями, превратился в «стандартную теорию» и – запомните это – расширился вплоть до того поля, которое традиционно считалось выходящим за пределы биологии, – до возникновения человека. Со своей стороны, Геккель, обладающий метким, но недостаточно обоснованным объективными фактами воображением, решительно отказался от вошедшего в традицию пренебрежительного отношения к так называемому «самопроизвольному зарождению». Он заявил – конечно, не впадая при этом в серьезные теоретические и фактические заблуждения Аристотеля и средневековых мыслителей, – что виды живых организмов формируются последовательно и эволюционно из неживой материи. Тем самым он открыл дорогу космической, а не только биологической концепции эволюции, такой, которую в наш век предложила астрофизика. Остальные два тезиса до сих пор остаются в силе, если исключить из рассмотрения радикальный (не чисто антропологический) материализм. Немало мыслителей продолжало утверждать, что материя и дух – это два единственно возможных способа бытия в реальности и что с момента появления на Земле человека (а также на других планетах, если там есть жизнь и биосфера эволюционирует подобным способом) в космической реальности существует дух, а не только материя.

Этот дух – тварный и конечный, и именно он делает из человека личность. Многим, христианам и не-христианам, не удастся понять, что материя сама по себе может послужить причиной только для свободных актов и универсальных идей; христианам условие быть образом и подобием Бога, чистого духа, кажется возможным только при том допущении, что человек состоит из материального тела и нематериальной души. Итак, верно ли это?

Утверждение, что дух и материя – это два единственно возможных способа постигнуть реальность для нашего мышления, требует решения трудной умственной задачи: знания того, что называется «духом». Что значит «быть духом»? Что значит «быть материей»? В случае Бога, существует ясный теологический ответ, правдоподобный и рациональный, но неочевидный, основанный на рассудочной вере, а не на чистом рассудке: божественный дух нематериален в силу того, что он дух, он нетварен, бесконечен, всемогущ и всеведущ в силу того, что он божественен. В случае человека существует скорее философский, нежели теологический ответ: человеческий дух, безусловно, нематериален, но он тварен, конечен, не всемогущ и не всеведущ, как бы ни прогрессировали человеческие знания и техники. Здесь возникает проблема. Имеется ли среди того, что человеческий дух может совершить сам, способность воздействовать на материю – например, таким образом, чтобы заставить тело двигаться или превратить простое восприятие, иными словами, некий материальный след в мозге в универсальный концепт? Мне не удается представить себе, как это возможно. Если кто-то утверждает, что так происходит, то пусть объяснит это более убедительно, чем это сделали картезианец Мальбранш в XVII в. или Экклз в XX в. С другой стороны, уже как христианин, я задаюсь вопросом: является ли для того, чтобы отстаивать тезис об образе и подобии Богу, строго необходимым утверждение, что в человеческой реальности имеет место нематериальное начало? Не будет ли достаточно полагать, что так происходит, поскольку человек, в рамках своих возможностей, наделен интеллектом и свободен, и что его поведение достигает совершенства, когда определяется любовью? Естественно, это потребует рационального доказательства того, что в стремлении научно и философски понять человеческую реальность можно обойтись без понятия духа – человеческого духа, разумеется. Именно это и есть основная цель данной книги.

Как уже говорилось ранее, я считаю, что чисто атомно-молекулярная концепция материи, ставшая канонической после Дальтона и являющаяся латентной основой современного антропологического материализма, не позволяет дать удовлетворительного объяснения поведению человека как личности. Однако действительно ли эта концепция отвечает тому, как сейчас следует рассматривать космическую реальность и, следовательно, материю? Без сомнений, нет. Чтобы в какой-то мере достигнуть этой сложной цели, я должен изложить, как следует понимать сейчас понятие материи, имея, однако, в виду, что космическая реальность и реальность человека являются и будут оставаться загадкой. Вот моя формула, очень простая и краткая: согласно данным современной астрофизики и ускорителей частиц, с тех пор как сформировалась Вселенная, космическая материя – протон, атом, минерал, живой организм – представляет собой состояние и этап эволюции чего-то предшествующего им, чего-то, что является не разумным существом, а реальным. В отсутствие лучшего термина назовем его *динамизм*. Он может являться нам в двух формах: до возникновения Вселенной и формирования частиц того, что следует считать веществами, это была реальность динамизма, актуализировавшаяся как чистая энергия и предшествующая разнообразным энергиям, которые физика описывает в нынешнем состоянии космоса; затем, вплоть до настоящего момента, это реальность, которая является одновременно и материей, и энергией, неразрывно связанными между собой. Она служит границей нашему научному и рациональному анализу, таковой является материя газа, скалы, человеческого тела, «темная материя» астрофизиков, существующая в отличных от нашей галактиках. Резюмируем: то, что мы обыкновенно называем *материей*, реальность, которая прямо или косвенно воздействует на наши чувства, представляет собой последовательность по-разному структурированных и наделенных различными качествами эволюционных уровней космического динамизма. Динамизм, понимаемый как всеобщий и радикальный способ бытия всего реально созданного, – это не нечто третье между духом и материей, а путь к лучшему пониманию реальности – нематериальной, нетварной и творящей реальности Бога, материальной, тварной, динамической и эволюционной реальности космоса, а также к пониманию отношения между сущностной

нематериальной трансцендентностью Бога и материальной имманентностью творения, находящейся в становлении. Попытаюсь продемонстрировать это.

Гейзенберг писал, что когда в истории постижения мира начался кризис оснований и вслед за тем возникла, согласно терминологии Куна, новая парадигма, человеческий разум встал перед необходимостью создания нового способа рассуждения, который стал бы общепринятым. Итак, радикальные нововведения науки XX в. в постижении космоса требуют *modus intelligendi*, превосходящего интуитивизм и механицизм модернистской науки. К чему-то подобному частично и всего лишь на время привело понятие «поле силы». Я рискну утверждать, что субирианский концепт динамизма, в некотором роде схожий с концепцией силы (*vis*) Лейбница, может стать решающим для того, чтобы приблизиться к философскому и научному постижению одной из величайших загадок науки нашего времени – конечного состава элементарных частиц и, следовательно, реальности космоса в целом. Всего лишь приблизиться, поскольку загадка сохранится. Разве Аристотель со своей «первой материей» и «формами сущего» и средневековые мыслители с космологическим дуализмом духа и материи стремились к чему-то иному? В истории космологии и антропологии динамистский монизм – *динамизм* – восстает против дуализма гилеморфистов и картезианцев, а также против материалистического монизма тех, кто не знает или не хочет знать того, чем в действительности является материя.

В западной мысли, начиная с Бонавентуры и Винсента из Бове, часто различается *natura naturans* (универсальная и единая природа, порождающая различные сущности) и *natura naturata* (частная природа каждой из этих сущностей). В качестве *natura naturans* космос, чья реальность для нас есть сущностный и радикальный динамизм, является также действующей причиной для всех способов его структурной и эволюционной реализации. Действующая причина – это причина, производящая напрямую каждый из своих последующих эффектов; но она не является творящей причиной. В наиболее строгом смысле слова творение – это исключительный атрибут Бога. По моему мнению, в связи с этим требуется вернуть актуальность двум важным достижениям средневековых мыслителей: различению между *potencia absoluta* и *potencia ordenada* и между *causa primera* и *causa segunda*.

Используя свое всевластие, свою абсолютную власть, Бог мог бы создать мир или миры, сильно отличающиеся от существующего; например, такой мир, в котором происходили бы вещи, кажущиеся нам иррациональными, где жили бы кентавры или летали ослы. Однако, в силу своей бесконечной и таинственной свободы, Бог пожелал двух вещей: с одной стороны, упорядочить действие своей силы для того, чтобы тварный мир был доступен человеческому разуму и человек, вследствие этого, имел бы возможность в некоторой степени его познать; с другой стороны, сделать так, чтобы сущности в мире могли распространяться с вторичной причинностью, то есть сами по себе порождать новые вещи и процессы. Будучи первой причиной, то есть причиной творящей и поддерживающей, Бог захотел, чтобы во Вселенной существовали вторые причины. Растения зеленые, поскольку этого захотел Бог; однако факт того, что они зеленые, зависит, уже без божественного вмешательства, от собственной природы растений, от того, чем они являются и что делают сами по себе. Благодаря понятию «второй причины» христианская мысль смогла усвоить изначально греческую идею «естественного закона» и понимание его как неодолимой «необходимости» (*moira*, *ananke*) Природы. Иными словами, вещи, составляющие *natura naturata*, являются тем, чем они есть, и делают то, что они делают. Или, в субирианских терминах: космос как целое, с его неопределенного начала, было вторичной действующей причиной всех своих последующих эволюционных конфигураций, а его эволюция была последовательностью способов, какими эта вторичная причинность проявляла себя. Как случайный образ космического динамизма, структура «рептилия» является одним из частных образов и вторичной причиной структуры «птица». Так же ли обстоит дело со структурами «австралопитек» и «человек»? Предложу мой ответ позже.

Сначала следует добавить теологическое и метафизическое уточнение Субири: Бог, создатель и первая причина космоса, не только трансцендентен космосу, но он также трансцендентен в космосе. Помимо того, что он является творцом мира, он также его хранитель – таков метафизический фундамент вторичной причинности космоса самого по себе и всех его последовательных конфигураций. Как это происходит, если вторичная причина есть то, что говорилось о ней ранее? Тайна; непроницаемая тайна Природы, которая служит

основанием для выбора между теизмом, пантеизмом и атеизмом. В соответствии с этим, все сказанное может быть всего лишь скромной, однако обоснованной попыткой ее осмысления.

Сознание реальности

Вещи находятся внутри высшей сферы – мирового Целого, которое является действующей причиной всего того, что в нем происходит. Человеческая деятельность, интеллектуальная, аффективная или волевая, служит основанием для отношений человека с вещами и тем самым определяет способ бытия вещей, которые, в свою очередь, выступают для человека как требования, возможности или препятствия. Этот процесс включает в себя два последовательных действия: чувственное восприятие вещи как реальной и осознание ее как «вещи-смысла». Осознавать вещи в мире означает одновременно обладать сознанием их реальности и их смысла.

Рассмотрим, как функционирует зрение. В течение веков без особой очевидности утверждалось, что зрение, как и деятельность других чувств, основывается на том, что видимая нами вещь формирует энграмму, материальный след в мозге. Благодаря замечательным работам нейрофизиологов Хьюбела и Визеля сейчас мы знаем наверняка, что в действительности происходит следующее: видимая вещь схематично воспроизводится в уменьшенном виде в коре затылочной доли головного мозга. Однако видя, например, стул, мы видим не только его схему, мы видим также его цвет, расстояние до него, движение и вдобавок воспринимаем его в аффективной тональности – приятной или же неприятной, мы вспоминаем похожие на него предметы и т. д. Таким образом, можно утверждать, что в восприятии стула принимает участие практически целиком весь мозг, а не только кора его затылочной доли. И когда для того, чтобы выразить наш опыт, мы говорим «Это стул», становится возможным вынести на обсуждение вопрос об отношении между тем, что мы видим и что мы говорим, между воспринимаемым и словом, которое на него указывает.

Зрительная энграмма, церебральный след того, что мы видим, – это прежде всего *сигнал*, демонстрирующий нам реальное существование другой вещи. Но сигнал может быть знаком или

символом, в соответствии с моим пониманием этой лексической тройки. Вопрос заключается в следующем: если понимать энграмму как сигнал о существовании вещи, которую я вижу (в нашем случае, стула), и ее характере, – чем будет слово «стул», знаком или символом? По моему мнению, сигнал является знаком, когда существует прямое, немедленное и однозначное отношение между ним и тем, что он обозначает. Дым – это знак огня, высота столбика термометра – знак температуры. Сигнал будет символом, когда отношение между ним и тем, что он обозначает, не является ни прямым, ни немедленным, ни однозначным. Оно должно быть, напротив, непрямым, условным и конвенциональным. Будет достаточно такого примера: почему кусок ткани с тремя вертикальными полосами – синей, красной и белой – является символом французской нации? Потому, что группа людей договорилась об этом и предложила это своим соотечественникам, с чем те согласились. То есть, триколор является символом Франции вследствие ясного соглашения и негласного договора.

Существует огромное разнообразие символов. Прежде всего, чтобы ответить на возникший ранее вопрос, следует назвать *лексические символы* – все слова, в том числе, как очевидно, существительные. Почему в испанском языке снег называется «nieve»? Ответ ясен для любого: потому, что более тысячи лет назад в уголке Кастилии, где разговаривали на латыни, было решено перевести таким образом латинское существительное *nix, nivis*; этот перевод был принят окружающими, и с тех пор это принимается всяким, кто говорит на испанском. Также существуют *математические символы*, например буква π , обозначающая отношение длины окружности к ее диаметру; *психологические символы*, как, к примеру, введенные Фрейдом и Юнгом; *символы-жесты*, такие как рукопожатие, обозначающее открытость и мирные намерения по отношению к тому, кого мы встречаем; *предметные символы*, например флаг; *поэтические символы*, которые будут действовать только в том случае, если читатель сможет уловить значение метафоры и тем самым установит для себя негласную связь с поэтом; *религиозные символы*, как изображение рыбы для первых римских христиан и креста для всех последующих; *мифические символы* – Посейдон как символ моря или Афродита как символ любви. При ближайшем рассмотрении, в истоках каждого из них

мы сможем обнаружить конвенциональный характер отношения между символом и тем, что он обозначает. В одних случаях это отношение будет более заметным, как в случае креста в христианстве, в других менее – как в случае цветов флага и нации, которую он символизирует.

Символизация – это специфически человеческое поведение, животное не изобретает символов, не символизирует. Поэтому Эрнст Кассирер, наиболее значимый теоретик в этой области («Философия символических форм», 1923–1929), называл человека *animal symbolicum*. Более точно, между тем, было бы назвать его *animal symbolizans*, так как человек не символичен, он тот, кто создает символы. Нейрофизиолог Карл Прибрам («What makes man human?», 1971) утверждал, что человек является человеком в силу своей способности превращать знаки в символы и использовать символы как знаки. Самые сложные способы коммуникации между животными, такие как танцы пчел, описанные фон Фришем, или удивительные «диалоги» между шимпанзе и их наставниками (супруги Гарднер, Премак, многие другие), тем не менее, не позволяют приписать пчелам и шимпанзе символическую активность. Как и собачий лай, танец пчел – это знак, запрограммированный в геноме вида. Шимпанзе учится использовать знаки – а не изобретать и применять символы – в силу генетических способностей своего вида. Животные не символизируют и не спрашивают, как бы велики ни были иногда их умения.

Только человек способен создавать символы, только он нуждается как в истине, так и во лжи, как говорил Ницше, только он есть «фантастическое животное». Как это происходит? Каким образом человеческая реальность, новая структура в космическом динамизме, действует, создавая символы?

Сознательное познание мировых сущностей включает в себя три момента: перцепт, концепт и фикцию (Субири); к ним, если принимать во внимание возможности познания, предложенные компьютером, наверное, стоит добавить еще один – симулякр.

Перцепт заключается в восприятии и назывании некоего индивидуального космического объекта, он порождает познание реального с помощью указания на «это». Например, когда мы видим собаку, он позволяет нам сказать «Это собака». Является ли в этом случае мое слово знаком? Казалось бы, да, поскольку слово «со-

бака» – это прямое выражение энграммы, произведенной в коре затылочной доли мозга моим зрительным восприятием. На самом деле, нет; не только потому, что все слова являются символами, но и в силу следующих трех причин:

а. Слово «собака» отсылает к большему числу объектов, чем представлено в энграмме.

б. Если я видел ранее других собак, то мое восприятие и слово, которое его обозначает, являются пре-концептами.

с. Если я никогда ранее не видел собак, то, возможно, я назову перцепт, который вижу, так же, как другое животное, более или менее похожее на него. Во многих случаях так поступали первооткрыватели и колонизаторы Америки с местной флорой и фауной.

Концепт – это называние объекта, воспринимаемого как индивидуальный образец универсального рода или вида. Здесь мы познаем не с помощью «этого», а с помощью «что». Видя собаку, я говорю без слов: «Я знаю, что то, что я вижу, – это собака».

Отталкиваясь от эмпирического, мифического или магического познания мира, концептуализация мира и составляющих его объектов породила два великих творения человеческого разума: науку и философию. Наука концептуализирует реальность мира, изучая «что» вещей с двух дополняющих друг друга точек зрения: «как», т. е. научное описание вещей и процессов – например, каков этот вид животных, как функционируют органы, и «почему», т. е. каковы причины, в силу которых существуют описываемые наукой вещи и процессы, – к примеру, почему именно так, а не иначе осуществляются эмбриогенез и пищеварение данного вида животных? Две дисциплины являются переходными между наукой и философией и позволяют обнаружить структуру их взаимодополнительности – эпистемология (теория научного знания) и гносеология (теория человеческого познания, каковы бы ни были его способы). Собственно философская концептуализация рассматривает «что» вещей с точки зрения их реальности, которую они разделяют со всеми реальными объектами (такое познание «что» называют метафизикой, первой философией и онтологией), и с точки зрения их частной реальности (вторая философия или специальная онтология, являющаяся философским фундаментом для всех действительных наук – космологии, антропологии, математики,

социологии, права и т. д.) Такова была концептуализация мира и составляющих его вещей, начавшаяся с досократиков и менявшаяся в ходе истории.

Затем, в-третьих, *фикция* – продукт воображения, вымысел (литературный персонаж, метафора, математический символ и т. д.), в котором автор в большей или меньшей мере концентрирует и выражает свой опыт мира и самого себя. Подразумеваемая формулировка смысла фикции – не «это» и не «что», а «какой». Дон Кихот и Санчо, литературные фикции, созданные Сервантесом, стали гениальным выражением его опыта человеческой жизни, его знания людей. Анхель Герра, фикция Гальдоса², основывается на его обширном опыте общения с испанцами. Таким образом, мы можем сказать, что Дон Кихот и Санчо – это люди в видении Сервантеса, а Анхель Герра – это испанцы, какими их видит Гальдос. То же самое можно сказать относительно любой метафоры.

В отличие от перцепта, число возможных фикций потенциально бесконечно. Перцепт же ограничен сущностно – семантическое поле слова, которое его обозначает, ограничивается индивидуальной реальностью воспринимаемого объекта: в нашем примере, реальностью собаки, которую я вижу. Собака – это название всех индивидов вида *canis familiaris*, и изобретение фикций, выражающих данный концепт (в субирианских терминах, осознание возможных вещей-смыслов, имплицитных в каждой реальной вещи), потенциально бесконечно. Таким образом, в силу исключительно человеческой способности изобретать фикции, равно как и в силу их потенциальной бесконечности по сравнению с перцептами и концептами, символизация представляет собой структурное и системное свойство нашего вида.

Когда Султан, самый умный из шимпанзе Кёлера, видел два тростниковых стебля, в его мозгу их перцепт (являющийся знаком, а не символом) разворачивался в соответствии с двумя возможностями: простое созерцание лежащих тростников и возможность соединить их, чтобы достать иначе недоступный банан. Один и тот же перцепт порождал не более одного знака, на большее животное неспособно. Посмотрим теперь, сколько вещей-смыслов может заключать человеческий перцепт тростника: стебель растения, трость для опоры, предмет, помогающий приблизить другой предмет, булава, игрушка, палка для удара, материал для изготовления

флейты, неисчерпаемый источник метафор, начиная со столь известной паскалевской (человек как «мыслящий тростник»), и еще тысяча других. Вывод: придумывание фикций, специфически человеческое действие, позволяет нам обнаружить, что мир человека существенно открыт беспредельному или, более радикально, бесконечному. Как писал Бодлер, поэтически выражая сущность человека: «Сквозь каждое окно – бездонность предо мною»³. В одном из своих значительных текстов, написанном вскоре после его знаменитого труда, Хайдеггер задавался вопросом: «Имеет ли смысл рассматривать человека как бесконечного?» Он не дает ответа на этот вопрос, ограничиваясь постановкой огромной проблемы. Ответ мог бы быть таков: «Ввиду того, что всякий человек обладает воображением и способностью творить, одной из основных его характеристик является то, что он по своей природе открыт бесконечности и, сознательно или бессознательно, стремится к ней. Когда фикции в искусстве достигают своей максимальной высоты и глубины, они выражают интуитивное постижение загадки, которой является для человека реальность. Это было очень хорошо известно Эйнштейну, утверждавшему, что наука и искусство – это два дополняющих друг друга способа постижения этой загадки.

Помимо перцепта, концепта и фикции, следует назвать также *симулякр*. Я опираюсь на то, что в современной науке называют «симулятивным познанием» – выведением того, что «могло бы быть» выражением реальности. Таким образом, симулякр – это то, что «может быть», и, шире, «ментальная истина», которая излагает еще неизвестную «реальную истину» и вводит некоторые математические фикции. Например: возможное выражение реальной истины – ментальная истина, которой Лобачевский и Риман, неевклидовы геометры, обогатили математическое знание, стала истиной реальности в геометрической концепции Вселенной, созданной Минковским и Эйнштейном. Как возможности проникнуть в загадку реальности, симулякр и фикция демонстрируют конститутивную открытость человека по отношению к бесконечному, к познанию того, что ему трансцендентно. В терминах Прибрама, именно они «делают человека человеком».

Загадка сознания

Многие, движимые тем, что Поппер назвал «обещающим материализмом», считают, что факт сознания, идет ли речь о животном или о человеке, кажется нам загадочным только сейчас, впоследствии же он перестанет быть таковым. Известный психолог и философ Дж.Р.Сёрл писал: «“Тайна” сознания находится сегодня приблизительно в том же состоянии, что и тайна жизни до развития молекулярной биологии или тайна электромагнетизма до появления уравнений Клерка-Максвелла. Оно кажется таинственным, поскольку мы не знаем, как работает система нейрофизиология/сознание, а адекватное знание этого могло бы устранить саму тайну. Далее, утверждение, будто мы всегда способны представить, что определенные состояния мозга *могли бы и не* обуславливать соответствующие состояния сознания, может просто объясняться нашим незнанием работы мозга».

Я не согласен со столь знаменитым мнением. Уравнения Максвелла, безусловно, необыкновенны. Перед ними великий физик Больцманн, повторяя слова Гёте, задавался вопросом: «Не Бог ли эти знаки начертал?» Однако говорят ли эти уравнения, столь необходимые для научного обоснования электромагнетизма, о том, что есть материя, реальность, частным проявлением которой являются электричество и магнетизм? Через полтора столетия после того, как Максвелл их сформулировал, физики и философы спорят о том, чем же является это многообразие, которое мы называем материей. То же самое можно сказать относительно данных молекулярной биологии об амебе и о человеческом мозге.

Возвращаюсь к уже сказанному. Сталкиваясь с конечными вещами – начиная с тех, которые Кант назвал ноуменами или вещами-в-себе, человеческий разум оказывается перед необходимостью выбора между двумя путями: между утопической, неосуществимой надеждой на знание будущего и признанием в конечном счете таинственного характера реальности, в каком бы виде она перед нами ни представала. Недостижимость этой утопии ясно показывает тот факт, что существовала и продолжает существовать история философии. От досократиков до нынешнего дня философы продолжают искать окончательный ответ на вопрос о сущности реальности, и не похоже, что эти попытки за-

кончатся; Аристотель писал, что люди никогда не прекратят задаваться вопросом о бытии. «Последнее всегда будет неточным, а точное всегда будет предпоследним», как говорилось уже не раз. Однако утверждение радикальной загадочности реального не равнозначно объявлению бесполезными попыток интеллекта проникнуть в нее. Подлинная интеллектуальная высота человека и во многом его этическая высота позволяет ему двигаться к постепенному познанию реального, вне зависимости от того, верит он или нет в метаисторическую возможность достигнуть своей цели; этически и интеллектуально, творческая работа *homo viator* всегда будет превосходить отважный, но утопический самообман Сизифа. В истории познания космоса Птолемей, Коперник, Ньютон, Гершель, Эйнштейн и ученые, базирующиеся на астрономических открытиях телескопа Хаббл, предлагают все более рациональные ответы. Лишает ли все эти замечательные научные достижения интеллектуальной и этической ценности тот факт, что космическая реальность в конечном итоге остается загадкой для человека?

В человеческом сознании, где достигает высшего развития биологический феномен восприятия реального, обретает одно из своих системных свойств динамическая структура, которую в эволюции космоса представляет человек. Действующим субъектом этого свойства является вся его структура в целом, ввиду того, что в восприятии реальности имеет место синестезия, анатомически и функционально централизованная в мозге. Следовательно, деятельность мозга – это не орудие нематериальной души, не сознающей самой по себе, она и есть сознание. Каким образом? В этом и состоит загадка.

Принимая в какой-то мере один из аспектов субирианской мысли, нейрофизиолог С.Роуз несколько лет назад предложил различать концепты «причина» и «корреляция между уровнями объяснения». Он пишет: «Отдельные биохимические состояния соответствуют отдельным аспектам поведения не потому, что биохимия является причиной поведения, а потому, что поведение рассматривается на другом уровне анализа и описывается другим языком. Измененные синаптические связи – это не причина памяти, это память. Расщепление нейронов в гипоталамусе и других отделах мозга – это не причина голода, это голод». Дуалисты и

менталисты приняли бы этот тезис без возражений, если бы речь шла об объяснении поведения, памяти, голода и сознания шимпанзе, но в случае человека он беспрекословно отвергается.

Согласно ментализму, ментальные акты нельзя понимать как активность мозга, в силу их незамедлительности (очевидность и решение внезапны и непроцессуальны), непространственности (в отличие от сущностной пространственности мозговых процессов), а также интенциональности (того факта, что они отсылают к чему-то). Однако ни очевидность, ни решение не являются внезапными актами в строгом смысле слова (переживание внезапности только приблизительно выражает в действительности процессуальный характер и того, и другого феномена, как показали экспериментальные наблюдения Корнхюбера и Роданда). Также невозможно утверждать, противопоставляя в согласии с картезианством *res cogitans* *res* и *extensa*, что ментальные акты не имеют ничего общего с протяженностью и пространством. Невозможно и отрицать, что мозговая активность шимпанзе, когда он узнает себе подобных и самого себя, есть в некотором роде «сознание-о». Своеобразие ментальных актов, преимущественно, но не исключительно психических, зависит от методов, с помощью которых они могут и должны быть обнаружены (интроспекция, понимание), а также от концептов, выражающих их результаты, а не от того, что они произведены бестелесным разумом. Можно и следует говорить о ментальных актах, но не о разуме, противопоставляемом телу. О «разуме» стоит сказать то же самое, что сказал У.Джеймс о «сознании»: это не сущность, а образ действия; или то, что неоднократно писал Субири, – что это ошибочная и неправомерная субстантивация актов, называемых ментальными. Добавлю: это действие единой структурной реальности, к которой принадлежат как мозговой процесс «сознания», так и желудочно-кишечный процесс, называемый «пищеварением».

Ото всех остальных биологических форм восприятия реально-го человеческое сознание отличается не тем, что имеет в качестве действующего субъекта нематериальную душу всякого человеческого индивида, а особым качеством динамической структуры человека – свойством «личности», заключающимся в «возможности быть» и «возможности говорить». «Возможность быть» – это неограниченная возможность бытия перцептов, которые предлага-

ют или навязывают человеку реальность мира и собственную реальность, «возможность говорить» – многообразная возможность сказать в довербальной или вербальной форме о том, что его перцепты являются «своими», принадлежат к его личной самости, коль скоро это можно выразить словами «мне», «мое», «я». Всякое по-человечески осознанное действие – это способ свершения такого загадочного и необычайного события: осознания *natura naturans* самой себя в одном из индивидов, в котором эволюция и характер *causa segunda* породили уровень «бытия реальности», называемый «личностным бытием». Со всех точек зрения, динамицизм – это легитимный *tertium quid* между дуализмом и материализмом.

Человеческий мозг – это орган, в котором актуализируется психическая потенциальность динамической структуры человека, так же, как это происходит в случае мозга собаки или шимпанзе. Эта аналогия не связана с незнанием эмпирически очевидного сущностного различия между животным и человеком и никоим образом не принижает достоинства человека в космосе. Скорее наоборот, она возвеличивает его, не прибегая ни к чему отличному от того, чем человек является в себе и сам по себе как создание, которое возникло из космоса и в космосе и посредством мозга которого *natura naturans* смогла познать саму себя. Созданный *de limo terrae* – через все то, что было «землей» в эволюции, человек утверждается как старший брат всех земных созданий. Таковым должно быть для современного человека понимание глубинного смысла слов Книги Бытия, так же, как и *frate Sole* и *sor aqua* св. Франциска Ассизского. Человеческий мозг, при всем том, что сообщают о нем нейрофизиологи, для нас выступает как орган самосознания космоса, как *pensée qui pense*, которую не разглядел Лашелье; и в этом его загадка. Я сказал – загадка, поскольку факт, что мозг многих обитателей нашей почти что бесконечно малой планеты – всех людей, начиная с *homo habilis*, смог вообразить, поэтически или научно, как возник и сформировался универсум, к которому мы все принадлежим. Только глядя в глаза сфинксу, пересчитав, как говорил Унамуно, волоски в его хвосте, мы можем вникнуть в то, что есть сфинкс. Только удивляясь, интеллектуально или поэтически, загадке космоса, которая приобретает смысл в личностном сознании человека, мы можем проникнуть в частную загадку нашего сознания.

Два текста Фрейда, написанные около 1916 г., дают ясное представление о том, какой в XX в. была научная работа, связанная с нашей темой. В первом отрывке говорится: «Давайте будем придерживаться в дальнейшем предположения, что сновидение является не соматическим, а психическим феноменом. Что это означает, вы знаете, но что дает нам право на это предположение? Ничего, но ничто не мешает нам его сделать. Вопрос ставится так: если сновидение является соматическим феноменом, то нам нет до него дела» («Введение в психоанализ»). Отрывок из второго текста: «Все попытки установить... локализацию (мозговую) душевных процессов совершенно провалились... Между сознательной активностью коры головного мозга и предполагаемого центра бессознательных процессов, подкорковой зоны, существует разрыв, который сейчас невозможно преодолеть... Наша психическая топика в настоящий момент не имеет ничего общего с анатомией; она отсылает к зонам душевной активности, а не к анатомическим локализациям» («Метапсихология»). Сейчас, в настоящий момент... Если бы Фрейд написал это восемьдесят лет спустя, разве мог бы он быть уверен, что что-то изменится?

Ф.Крик, чей спорный авторитет как мыслителя не умаляет его огромного авторитета как ученого, в своей недавней статье просто и ясно выразил общую точку зрения современных нейрофизиологов: «Где находится коррелят сознания в мозге? Один из традиционных ответов, утверждающий, что сознание зависит от сетчатой системы среднего мозга, приводит к ошибкам. Бесспорно, высшие зоны мозга нуждаются в том, чтобы быть активированными разными способами; однако удовлетвориться таким ответом – то же самое, что считать, будто бы характерная часть телевизора – его электрический компонент. Скорее, действия, соответствующие сознанию, происходят не исключительно, но в основном в новой коре мозга и, возможно, также в древней коре. Обе они связаны с обонятельной системой. Локальное повреждение коры приводит к особым последствиям для сознания, таким как лицевая агнозия. Роль системы гиппокампа еще более сложна. Человек с двусторонним повреждением этой системы и связанных с ней зон коры страдает многочисленными нарушениями сознания. Остается проверить, причастны ли другие структуры, такие как таламус, базальные ганглии и клауструм к факту сознания». Крик добавляет,

что, напротив, известно, что соединение двух полушарий через посредство мозолистого тела имеет основное значение для нормальных состояний сознания, поскольку каждое полушарие по-своему способствует сознательной активности мозга в целом. Таким образом, холистический характер сознательной деятельности мозга совершенно очевиден.

Человеческое сознание – это венец всех форм, в которых биологически и эволюционно реализовывалось восприятие самого себя и другого. Оно представляет собой деятельность динамической структуры, в силу которой космическое существо познает самого себя как личность, а отличное от себя рассматривает как реальность, из которой оно возникло. Загадка? Без сомнения; однако, возможно, этот способ ее формулировки будет более удовлетворительным, чем псевдорешения, предложенные ранее гилеморфическим дуализмом, неокартезианством Экклза и ментализмом или полументализмом Поппера и Сперри. Возможны и другие решения, этот способ представляет собой лишь побуждение к более глубокому и рациональному постижению этой загадки и не претендует на то, чтобы быть окончательным. Как несколько лет назад говорил великий нейрофизиолог Хьюбел, «науки никогда не покажут нам всю глубину и сложность функционирования нашего мозга. Человек никогда полностью не поймет человека, поскольку структура мозга не предполагает возможности понимать собственное функционирование. Однако не сомневаюсь в том, что с каждым разом все более глубокое познание маленьких частиц мозговой структуры позволит постепенно приближаться к недостижимому конечному знанию». Полвеком раньше Планк, Нестор современной физики, писал: «Абсолютное представляет собой идеальную цель, которую мы, люди науки, всегда имеем перед собой, без возможности ее достичь... Мы подобны альпинисту,двигающемуся по неизведанной местности, – он не может знать, нет ли за вершиной, которую он видит, другой, более высокой. И для него, и для нас может послужить утешением тот факт, что таким образом мы движемся выше и дальше, и ничто не мешает нам бесконечно приближаться к желаемой цели... Таково неотъемлемое стремление любой науки». Осмеливаюсь думать, что, возможно, изложенная теория человека и человеческого сознания сможет послужить философским обрамлением общего смысла двух этих отрывков.

Примечания переводчика

- ¹ Перевод выполнен (в несколько сокращенном виде) по изданию: *Lain Entralgo P. Idea del hombre*. Barcelona: Galaxia Gutenberg, 1996. P. 127–156.
- ² Бенито Перес Гальдос (1843–1920) – испанский писатель, автор романа «Анхель Герра». Главный герой этого произведения – человек, переживший тяжелую личную драму, полный противоречий и сомнений. Основной темой романа является его духовный поиск, приводящий в конце концов к вере.
- ³ Перевод К.Бальмонта.

Перевод с испанского *Т.О.Глебовой*